***

Проселок, обнесенный тополями.
Привычно сквернословит воронье.
Навстречу речка жалка виляет.
Улиткой проползает самолет
Над жухлыми весенними полями…
Что горе отсыревшее твое?
Все это о защите умоляет,
И мужество внезапное дает.

***

Есть на свете ветер и соловьи,
В небе лунный пятак –
Если Бог уже не пошлет любви,
Я согласен и так.

Я давно пыльцой ее опален –
Тлеет боль в седине.
Я насквозь огнем ее опылен -
Пламя зреет во мне.

Если не пошлет, значит я готов
Уже просто за так
Согревать и ветер, и соловьев,
И холодный пятак.

***

Спасти тебя может чудо,
Но чуда не происходит.
Хоть чудо тебе не чуждо
И вера в твоей природе.

Ты знаешь: всегда есть выход,
Но все же его не ищешь,
Поскольку всегда есть выбор,
Искать или не искать.

***

Я сердце скормлю голубям,
И стану деталью пейзажа,
Всем корпусом полым любя
Небесную влажную тяжесть,

Хорал заходящего дня,
Неву с оловянным отливом –
Простите, родные, меня
За наглость бывать несчастливым.

Обиды отцвёл пустоцвет,
И жизнь мне, как ноты, знакома –
Звучит духовой инструмент,
Дрожит тонкостенная форма.

Ещё репетирую, ведь
Звучанье не выправить разом.
Не сердце мешало звенеть –
Фальшивил гордящийся разум.

***

Жаль, что я вижу ложь и лесть,
Не верю фальши.
Застыть бы хоть таким, как есть,
Но чтобы дальше

Не прозревать, не созревать,
Теряя гордость,
Как многолетняя трава,
Под снегом сгорбясь.

Остановиться, не расти –
Покой и воля!
Не увидать весны и птиц,
Стыда и боли.

***

Между ракетками ракит
Застыло теннисное солнце,
В сгустившемся закатном соке
Оно летит – оно висит.

Спор спит, и выдохлась война,
И время двигаться не хочет,
И только лишь звезда стрекочет –
Зажата в кулаке она.

Незыблемое полотно
Закатная соткала сила, –
Как будто правда победила,
(Как в вечности быть и должно)

И разлила над головой
Багряный сок преображенья…
Но продолжается сраженье,
И неизвестно, кто кого.

***

Сколько осталось стучать и скрипеть,
Столько осталось трястись и терпеть.
Вышел, устав от общенья с людьми
В тамбур, похожий на внутренний мир –
На сквозняке в неуютном углу
Пальцем водить по стеклу.

Станцию видно. Роса на траве,
Солнце и… дерево, дом, человек.
Все это мимо опять прорябит
И бесконечной мигренью – столбы.

…Так долго ждал, что когда отворились двери,
тряски вагонной, я вышел, почти не веря.
Все, что рябило раньше – покой и радость,
И я вдохнул, и больше не выдыхалось...

***

Стол, тень от капель на стекле,
Букета зябнущий скелет.
Белесый день и талый свет
К закату ближе – ровный, желтый.
Ты понимаешь все живей
Серьезность маленьких вещей,
Таких как ракушка и желудь.

Как память бывших встреч, легки
Святые эти пустяки.
И вот однажды вопреки
И логике твоей, и воле,
Хоть мир вокруг жесток и груб,
Из желудя родится дуб,
Из ракушки возникнет море.

***

Звуки все тише мои –
Еле слышны соловьи
В недостижимом саду
В позапрожитом году.

Все, что возможно, уже
Сбылось в моем мираже.
Нежность забуду и злость –
Больно уж больно жилось.

Спит за зеленой стеной
Сад мой запущенный, но

Сквозь лебеду и репьи –
Звуки все чище мои.

***

Правда моя не гонима,
Руки мои не в крови,
Дамы проносятся мимо,
Не причиняя любви.

Вот она вольному воля:
Слушать, как в полой груди
Ветер, по трубкам глаголя,
Словно волынка, гудит.

Если словач, а не сволочь,
То ни к чему амплуа,
Лишь бы волынка глаголом
Сорокоградусным жгла.

Я только тень моей тени,
Зеркало в собственном сне.

Светит в безбожное темя
Солнце, не видное мне.

***

Простились сады со славой
Кленовой своей звезды
И над куполами лавры
Сбиваются в клин кресты.

Подранок в груди курлычет.
Куда нам лететь с тобой?
Сырая земля привычней.
Останемся. Примем бой.